

ВЕРНОСТЬ СОЛДАТСКОМУ ДОЛГУ

К 40-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ

Нет на свете такой профессии — солдат. Люди рождаются для мирного труда, а солдатами становятся по долгу и необходимости. Для поколения сороковых военная служба, фронт явились высшим экзаменом гражданской зрелости, твердости духа, патриотизма. Люди, по характеру, роду занятий, по жизненным своим планам далекие от войны, оружия, боевой техники, осваивали солдатское дело, оставив мечты на будущее до тех пор, пока не будет разгромлен враг.

граждены к этому времени боевыми орденами. Лазарь Сарьян получил орден Красной Звезды.

Затем он был переведен в ансамбль Юго-Западного фронта, руководил музыкальной частью, играл на баяне. Отныне он служил делу Победы своим искусством.

Что думал он на фронте? Как проходили боевые будни? Об этом рассказывают скупые строки солдатских писем. Вот отрывки из них.

Октябрь 1941-го

Через два-три дня я опять со своим расчетом двину на запад. Отдохнули порядком. Хватит. Ваши письма получаю аккуратно. Получил поздравительную телеграмму. Вы, наверное, предчувствовали, как она будет приятна и дорога.

...Гимн мой там и затерялся. Музыка у меня сохранилась, но текст, который вместе с музыкой находился у моего товарища, Коломийцева, погиб вместе с ним.

Я помню только первый куплет этого гимна:

Гимны, взлетайте!
Народы, вставайте!
Звезду единения
и мужества славьте.
Звезду, что земные
оковы разбила
и знамя свободы
в стране водрузила.
Гимны, взлетайте!
Народы, вставайте!
Великую Армию
Красную славьте.

Остальные куплеты помню неточно, плохо. Наверное, этому произведению не суждено было появиться на свет. Коломийцева жаль, талантливейший был парень.

Февраль 1942-го

Дорогой папа-джан!
Пишу в день твоего рождения, как бы хотелось в этот день быть с тобой.

Я послал тебе телеграмму, но не знаю, когда ты ее получишь, они ходят очень долго... Я по радио слышал, как ты принимал московских гостей. Целую, твой Зарик.

Апрель 1942-го

Получил твои два письма, что чрезвычайно меня обрадовало...

Над районом, где я сейчас нахожусь, самолеты появляются редко. Недавно появился один «Хенкель-111», на небольшой высоте, и был сбит огнем нашего подразделения.

Начались весенние дожди, их окончание будет началом больших дел.

Июнь 1942-го

Дорогая маманя!
...Здоров и чувствую себя бодро по-прежнему. Ни в чем не нуждаюсь.

Господство в воздухе целиком в наших руках. Ни один стервятник без трепета не появляется в нашем небе. Вчера я наблюдал, как наши истребители сбили два «Мессера-115». Исключительное мастерство. Недавно огнем моего подразделения сбили еще два «Хенкеля-111». Это было ночью. Один упал совсем близко от нас.

Подана тревога. Спешу. Целую. Твой Зарик.

Октябрь 1942-го

Ненависть, питаемая к этому проклятому зверю, настолько стала велика, что словами передать ее невозможно, и наша цель сейчас одна: как можно больше уничтожить этих него-

деев, чтобы приблизить час их полного разгрома.

Сейчас он на подступах моего родного Кавказа — я его защищаю здесь.

Давно от вас ничего не имею, это меня несколько смущает. Но у нас уговор: в случае перерыва в переписке — хоть это и очень трудно — быть хладнокровными и не поддаваться разным фантазиям.

Январь 1943-го

Новый год мы встретили с новыми победами над врагом. Этот год действительно будет годом окончательного разгрома врага...

Все мы одеты тепло. Наступательный дух на кульминации, все рвется на запад.

Июль 1943-го

Я вам, кажется, писал в предыдущем письме, что меня наградили медалью и значком отличника противовоздушной обороны.

Я, кроме боевых действий, подготовил около ста квалифицированных зенитчиков. Недавно был юбилей нашего полка. К этому дню мы с одним художником-поэтом написали песню нашего полка. Эту песню сейчас поет весь полк.

У вас там, наверно, уже созрел виноград, и в воздухе ощущается ароматный запах зреющих персиков.

Узнаю ли я наш сад, когда вернусь?

Ты все пишешь о творческом порыве. Да, потенция большая. Когда-нибудь будет возможность это реализовать. Ты сейчас тоже твори у тебя сейчас самый расцвет творческих сил.

Октябрь 1943-го

Мамочка! Ведь мне скоро 23 года, — как незаметно прошли четыре года, но ничего, осталось недолго.

...Мои двери всегда будут открыты для таких людей — помнишь, я писал о них — с кем мне приходилось отбивать яростные атаки врага, которые, не щадя жизни, защищали свою любимую Родину, рискуя жизнью, выносили с поля

боя раненых товарищей, делились последним куском хлеба. Таких людей немало.

Больно делается, когда думаешь, что тебе будут отвечать товарищи, когда спросишь — что же вы, друзья, не приняли участия в Великой Отечественной войне? Или вам не дали возможности? Или вы слабые и больные? Или вы незаменимы на производстве?

Многие из них опустят глаза, и, может быть, хоть на миг возмутятся своим малодушием. Могут ли быть они мне товарищами? Нет.

...Я всегда возмущаюсь, когда вы начинаете волноваться обо мне. Вы знаете прекрасно, какую я задачу выполнял на фронте, и если бы я был в числе погибших, вы должны были перенести мужественно. Разве мало таких, как я? И сколько матерей потеряли сыновей, мужественно сражавшихся за Родину, — миллионы.

Вы должны это понять и сделать свое материнское сердце более возвышенным. Вот тогда я скажу, что моя мать действительно гордится мною.

Писем, написанных Лазарем Сарьяном с фронта, — много. Мы предложили читателю отрывки лишь из некоторых. Написанные в спешке, они, конечно, не могут со всей полнотой показать, как и чем жил их автор на фронте.

Многое из того, что нам кажется сегодня важным, там, на фронте, казалось второстепенным, многое приходилось скрывать, чтобы не доставлять новых волнений родителям.

И сейчас еще, сорок лет спустя, продолжают идти в дом Сарьянов письма, напоминающие о войне. Пишут однополчане, вспоминают минувшие дни, фронтовых друзей, просят прислать ноты и слова песен, которые они в те дни пели. Хорошие песни, как славные дела, никогда не забываются.

В. АЙДИНЯН.

На снимке: Мартирос Сергеевич Сарьян с сыном Лазарем. Весна 1944 года, освобожденный Киев.